

УДК 321.02

Политические аспекты миссионерской деятельности

Глушков Максим Вячеславович

Соискатель,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: vladivostokmger@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается система явлений, наблюдаемых в настоящее время и связанных с формированием целевых функций политических институтов и процессов посредством миссионерской деятельности. Политическая сущность религии актуализирует конкретные цели, теоретически соответствующие интересам и идеологии центров власти, но на деле дифференцирующих и расслаивающих правящие элиты. В конечном счете, эти цели детерминируют соответствующие особенности и черты государственных форм и механизмов. В нынешних общественно-политических условиях миссионерская деятельность оказалась очень эффективным средством реализации религией своих политических функций. Она все более явно органически переплетается с проблемами стабильности политических систем, их идеологической устойчивости и обеспечивающих данные системы механизмов контроля и принятия решений. Именно поэтому автор данной статьи рассматривает любую угрозу господствующим системам этно-конфессиональных отношений в качестве вызова всему государственному организму, крайне чувствительному к подрыву его идеологических оснований. Как всякое иное политическое явление, религия есть генерирующая сила общественного конфликта, направленного на завоевание и удержание государственной власти. В силу данного обстоятельства, следует считать чрезвычайно актуальным исследование современной миссионерской деятельности в качестве политического процесса, который проявляется в сфере политики на межгрупповом и институциональном уровнях.

Для цитирования в научных исследованиях

Глушков М.В. Политические аспекты миссионерской деятельности // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 5А. С. 264-273.

Ключевые слова

Политические процессы и институты, государственно-конфессиональные отношения, политические конфликты, религиозные аспекты современной политики, политика.

Введение

Современное политическое состояние демократической государственности характеризуется не эволюцией политических систем и свойственных им форм общественного сознания, а, скорее, регрессом, генерирующим формирование новой модальности развития государства и общества. В результате налицо бесспорный всемирный кризис секуляризации, благодаря чему религия вновь становится важным элементом сложнейших взаимозависимостей, как это было в эпоху домодерновых обществ, политическая организация которых представлялась немыслимой без связи с какими-либо религиозными движениями [Тэйлор, 2017, 1].

Мы являемся свидетелями феноменального события мировой политики – кризиса постмодерна, так и не сумевшего стать глобальным и безальтернативным проектом развития демократии. На наших глазах человечество вступает в эпоху постгуманизма, обусловленного усиливающимся влиянием политического другого, религиозного по своей сути и иррационального – по содержанию.

Основная часть

Начиная со второй половины XX в. религия оказалась повсеместно востребованной в политической жизни, наполняя ее интегративным общим порядком и регулятивными основополагающими принципами [Lloyd-Jones, 1989]. Она вновь начала оправдывать свою сущность, заложенную в самом ее наименовании, происходящем от латинского глагола *religare* (связывать) [Пивоваров, 2009, 12].

В противостоянии постмодерну [Grant, 2003] религия становится идеологической основой успешной мобилизации гражданского общества и его институтов, проявляя способность не только нивелировать возможности рациональной коммуникации и рационального дискурса. При необходимости, религиозные движения решительно и не менее успешно берут на себя роль источников легитимации, наделенных функционалом оправдания определенных форм политической организации государства и общества, а также политического участия.

Современная демократическая государственность все более явственно впадает в зависимость от политико-религиозных ограничений, генерируемых исторически конкретными системами общественных отношений, защищаемых религиозными движениями, а также организациями, быстро усиливающими свой политический авторитет в общей системе институтов гражданского общества. В начале XXI века западные демократии пошли на адаптацию принципов своего бытия к основанным на Шариате регулятивным требованиям мигрантов из стран исламской культуры, выразителями которых стали политико-религиозные объединения.

Христианские цивилизации также нередко находят опору в политических институтах, использующих культовые и догматические установки доминирующих конфессий для сохранения базовых элементов традиционной культуры.

Насаждаемые во имя торжества постмодерна индивидуалистические, прагматические и откровенно утилитарные ориентации во многих странах мира, в конечном счете, вызвали активизацию всех форм и видов религиозной активности, актуализируя, в том числе, распространение религии через духовную экспансию посредством миссионерской деятельности.

Миссионерскую деятельность следует отнести к одной из наименее изученных форм идеологической деятельности. В современной политологии, как научной основе реальной политики, призванной обеспечивать понимание особенностей и тенденций развития политических систем и институтов, всего гражданского общества для успешного управления политическими процессами, до сих пор не выработано единое мнение о сущности миссионерства и его истинной природе.

Большинство российских политологов склонны полагать, что миссионерская работа является систематизированной деятельностью религиозных организаций, связанной с вовлечением людей в число их участников (последователей). Не выходя далеко за рамки марксистско-ленинской ортодоксии, они сводят проблему миссионерства к проявлению духовной природы религии, к взаимодействию индивидов с новыми для них ценностными установками, религиозными идеологемами и регулятивными требованиями. В конечном счете, все это соответствует материалистическому постулату о социальной природе религии, которая имеет социальные истоки и выполняет исключительно социальные функции, при необходимости используемые политическими институтами в определенных политических целях для оптимизации политических процессов и усиления идеологического воздействия на массы.

Теоретический анализ таких сложных объектов как религия не может базироваться на традиционных научных взглядах, общепринятых по причине комфортности использования их статического состояния, но не соответствующих реалиям сегодняшнего дня. Актуальность выработки качественно нового подхода к пониманию сущности религии и природы ее распространения вызвана определенными тенденциями в развитии политических институтов и процессов на нынешнем этапе истории.

Современная наука пока не готова к решительной переоценке ценностей и проявляет известную осторожность в отношении религиозных организаций, являющихся акторами не только социальной жизни, но и реальной политики. Еще большая осторожность в научном мире проявляется относительно проблем распространения религии посредством миссионерской деятельности. В авторитетных российских учебниках по религиоведению такого рода деятельность не упоминается даже в числе форм деятельности религиозных движений и организаций, что освобождает авторов данных изданий от необходимости утруждать себя выработкой соответствующих определений.

Один из теоретиков советского религиоведения – Д.М. Угринович, констатируя успехи всемирной секуляризации, имел достаточные основания соглашаться с мнением своих западных коллег, считавших, что понятие «миссионерство» утратило свою актуальность. Действительно, с первой половины XX века распространение религиозных убеждений приняло форму прозелитизма – более приспособленной к новым общественным условиям специфической практики приобщения человека к религии посредством религиозного обращения (conversion) [Угринович, 1985, 251].

Однако в период «холодной войны» на Западе оказались востребованы более масштабные средства идейной обработки граждан в духе самых разнообразных религиозных верований, нежели чем религиозный прозелитизм, нацеленный на формирование условий для индивидуального внезапного эмоционального озарения и прихода к Богу. К сожалению, теоретики советского религиоведения игнорировали данный факт и не сделали его объектом критического анализа, что позволило бы отечественной науке своевременно сформировать теоретические конструкции и логико-методологические приемы анализа

современной миссионерской деятельности, претендующие на эвристичность и объективность.

Миссионерские центры обычно действовали открыто. С 1955 года в США стремительно эволюционировало миссионерское Движение за рост Церкви (Church Growth Movement), чья деятельность приняла международный характер, затронув, прежде всего, страны «третьего мира». В итоге, значительная часть нашей планеты оказалась под контролем открыто действовавших миссионерских центров, успешно освоивших ранее недоступные им территории с использованием технологий идеологического воздействия, отличавшихся астрономическим разнообразием.

В 1991 году миссионерские центры легализовали свою подрывную деятельность и на всем постсоветском пространстве. Они коренным образом изменили этноконфессиональную структуру, в том числе, российского общества. Под влиянием иностранных миссионеров в России, протестантский и исламский религиозные комплексы стали системообразующими элементами этногенеза целого ряда народов, формируя их качественно новый духовный облик, подрывая господствующую политическую культуру.

Миссионерская деятельность привнесла не определяющие, но, тем не менее, крайне важные элементы в духовное ядро российской цивилизации, связанные с ее дальнейшим развитием. Именно поэтому она, в не меньшей степени, нежели чем иные виды идеологического воздействия на российское общество, повлияла на формирование нового историко-культурного типа суперэтнической общности России и свойственных ей социальных связей, начиная от первичных, внутрисемейных отношений и, кончая, отношениями между человеком и обществом на политической арене.

Политика и религия органически переплетены друг с другом. В целом ряде случаев мы вправе ставить знак равенства между политическим и религиозным воздействием на общество, проявляя при этом известную долю осторожности, чтобы не впасть в банальность, о которой предупреждал П. Вен [Вен, 2003, 301]. Подобный подход отражает объективную реальность. Он лишен основных свойств научных стереотипов, формирующих ошибочное знание, так как в нашем распоряжении действительно отсутствуют безусловные основания прочерчивать какие-либо границы между миссионерской деятельностью и другими, чисто политическими, видами идеологического воздействия одних обществ на другие.

Современные российские политологи и религиоведы не сделали должных выводов из уроков иностранной духовной экспансии в России, пик которой пришелся на 90-ые гг. XX века. Множественность действовавших на российском направлении религиозных миссионерских центров обеспечила им в тот период времени все преимущества, характерные для полицентрических социальных образований, подрывающих инородные моноцентрические порядки – устойчивость к вызовам и угрозам, высокий уровень адаптивности и т.д.

Нет смысла отрицать тот факт, что работа иностранных миссионеров в современной России вызвала резкое обострение ценностных ориентаций российских граждан. В общественно-политических отношениях, для которых очень важна приверженность партийным и другим групповым интересам, данное обстоятельство часто служило причиной усиления межгрупповой конфронтации, запускающей сложнейшие политические процессы.

В таких условиях создаваемые иностранными миссионерами религиозные организации, вплоть до настоящего времени, нередко (например, радикальные исламские группировки) выступают в качестве политических институтов, упорядочивающих политические и иные отношения с помощью систематизированного идеологического воздействия на основе

религиозных норм и регулятивных требований. Лидеры подобных организаций, как правило, оказываются опытными специалистами в области конфликтной аналитики, хорошо владеющими методиками перевода религиозных конфликтов в политическую плоскость, регулирования конфликтов и управления ими.

В силу вышеперечисленных обстоятельств, очень трудно понять логику, которой руководствуются современные отечественные политологи и религиоведы категорически отрицающие саму возможность исследования миссионерской деятельности как самостоятельного вида политической активности, достойной осмысленного теоретического рассуждения. Например, И.Н. Яблоков, не считал необходимым включить миссионерское служение даже в число видов религиозной деятельности. Это позволило ему концентрировать внимание только на том, что составляет трансцендентальный опыт, не выходящий за рамки непосредственного служения Богу [Яблоков, 1998, 70-71].

Н.С. Гуревич признает факт политизации веры в качестве прямого следствия вмешательства политических институтов в дела религиозных организаций, продолжающих при этом сохранять собственную духовную природу и распространяющих свое идеологическое влияние через обращение [Гуревич, 2016, 258-262].

Авторы используемого в системе подготовки кадров ФСИН учебного пособия «Введение в религиоведение» так же не склонны отрывать религию от исключительно духовной сферы деятельности человека. Тем не менее, они предпочитают давать ей более полное понимание, включающее в определение предмета данного политического и социального феномена расширенное, хотя, как и прежде, субъективное для восприятия, понятие роли религии, в том числе и политического характера [Тимошук, 2014, 28]. А в отношении миссионерской деятельности здесь происходит уже знакомая нам подмена систематизированного идеологического воздействия как предмета серьезного политологического изучения ставшим традиционным представлением об обращении, которое нет смысла рассматривать с позиции политологии.

Для Е.И. Аринина религия является эмпирическим социальным явлением, научное постижение которого до настоящего времени находится в динамичном развитии. Каждый этап данного процесса отличается от другого качественно новыми представлениями о религии и формах ее понимания. Неизменным остается только продолжающее пребывать в статическом состоянии на стыке философии, религиоведения и антропологии научное представление о распространении религии исключительно через обращение (по Е.И. Аринину – озарение, как одна из интеграционных функций религии), благодаря чему миссионерская деятельность опять оказывается на задворках научного поиска [Аринин, 2005, 59]

Г.Ю. Тихонова и Е.В. Гиниятова рассматривают религию с позиций социологии и видят в ней только религиозные отношения. Как следствие, из такого подхода, проникнутого холодными силлогистическими умозаключениями, оторванными от основополагающих понятий религиоведения и историко-политического фундамента генезиса религиозных верований, проистекает совершенно очевидный, хотя и спорный во всех отношениях вывод – религия является социальным институтом [Тимошук, 2014, 33]. Здесь налицо неудачная попытка поставить знак равенства между религией, как формой общественного сознания и религиозными движениями, и организациями, которые в разных общественно-политических условиях принадлежали к различным категориям социальных институтов: политических, политико-религиозных, религиозных.

Опрометчиво пытаясь объяснить такие фундаментальные категории, как религия, с помощью неубедительной внеконцептуальной референции, Г.Ю. Тихонова и Е.В. Гиниятова в

итоге вынуждены обойти молчанием феномен миссионерской деятельности. Они не усматривают в нем даже социальное содержание и не упоминают его при систематизации религиозноведческой терминологии [там же, 181].

Современный научный взгляд на миссионерскую деятельность никоим образом не актуализирует ее обстоятельное изучение, находя достаточным подразумевать наличие данного явления в рамках религиозного комплекса, все элементы которого (религиозное сознание, религиозный культ и религиозные организации) находятся в органической связи и взаимодействии. Подобная ограниченность стала тупиком познавательного процесса в данном направлении, очень удобным для теоретиков миссиологии.

Религиозная наука тысячелетиями оказывала негативное воздействие на светскую науку. Она всегда видела в светской научной деятельности опасный источник множества непредсказуемых перспектив, разрушающих религиозное ядро всякой цивилизации и создающих угрозу ее гибели. Постоянная готовность к защите идеологических основ конструкции «государство – народ – религия» является надежным генератором развития религиозной науки и появления все новых ее дисциплин. Одной из таких дисциплин стала миссиология. Это пока еще исключительно христианская церковная дисциплина новейшего времени, изучающая теорию и практику миссионерской деятельности как священного долга последователей Иисуса Христа проповеди Евангелия внешнему миру.

Для миссиологии представляется весьма удобным то, что не только религиоведы, но и те из политологов, которые пытаются дать всесторонний научный анализ политическим аспектам миссионерской деятельности, не могут вырваться за рамки явно устаревших идеологием постепенно уходящей в прошлое эпохи секуляризма. Это касается и России, где даже радикально настроенные исследователи (в частности, небезызвестные Н.А. Трофимчук и М.П. Свищев [Трофимчук, Свищев, 2006]) еще не в силах классифицировать миссионерскую деятельность в качестве политической. Здесь требуется определенная смелость, способная оказать поистине революционизирующее воздействие на научную мысль, побудив, прежде всего, политологов видеть в миссионерской работе целенаправленную реализацию стратегии инорелигиозного организационного ядра, разрушающего структуру подвергшегося внешнему идеологическому воздействию социума и переструктурирующего его вокруг себя [Мчедлов, 2007, 38].

Вне зависимости от своей конфессиональной ориентации, различные направления миссиологии дают сходные определения миссионерской деятельности. С точки зрения Русской Православной Церкви (Московский патриархат), эта деятельность является особым видом служения, связанным с направлением миссионеров в определенные страны с нехристианской или номинально христианской средой, для распространения веры среди нехристиан и созидания новых Церквей [Миссиология, 2010, 9].

Не может быть ни малейших сомнений в том, что создание христианских церквей в нехристианских или номинально христианских странах следует понимать, как форму внедрения в чуждый социум антиподного религиозного ядра [Мчедлов, 2007, 54]. Это ядро играет роль центра переструктуризации подвергшегося духовной экспансии социума не только в интересах, в данном случае, Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), но и стоящей за ней российской цивилизации. Налицо сложный и противоречивый процесс с глубочайшим идеологическим и политическим содержанием, достойный изучения в рамках политологии.

Авторитетный протестантский миссиолог Д. Бош дает миссионерской деятельности определение, практически дословно соответствующее тому, что доминирует в Русской

Православной Церкви (Московский Патриархат), с одной лишь оговоркой – данное определение обрело актуальность с началом общего кризиса секуляризации, то есть с середины 50-ых гг. XX века [Бош, 1997, 9]. Аналогичного мнения придерживается еще один авторитетный протестантский миссиолог Д. Мак-Гавран, настаивающий на том, что миссионерская деятельность должна носить политический характер, способствуя подрыву авторитета господствующих классов для завоевания доверия масс [Мак-Гавран, 1994, 268-239].

Представляется очень значимым тот факт, что вне зависимости от своей конфессиональной принадлежности, миссиологи не считают необходимым открыто обсуждать вопрос о том, какие формы должна принять миссионерская деятельность в откровенно враждебных социумах. Не поднимается в миссиологических работах и вопрос о том, должна ли данная деятельность прекращаться в случае отторжения навязываемого вероучения местным населением.

Из только что сказанного следует закономерный вывод, миссионерская деятельность носит только наступательный характер, а создаваемые в ее результате религиозные организации следует рассматривать как политические институты, созданные с целью инородного идеологического воздействия на общество и государство. Православные, католические и протестантские миссиологи в основном разделяют данную точку зрения, но только в отношении миссионерской деятельности, осуществляемой нетрадиционными религиозными организациями (культами, сектами и т.н. «новыми религиозными движениями») [Wilson, 1985, 297-311].

К основным формам политического воздействия миссионерской деятельности относятся:

- 1) Религиозная пропаганда, направленная на подрыв господствующих вероисповеданий и, особенно, государственной власти, являющейся гарантом незыблемости цивилизационных основ государственности и регулятором политических, социально-экономических, конфессиональных и этнокультурных отношений.
- 2) Создание религиозных организаций, которые призваны переструктуризировать социум, ставший объектом миссионерского воздействия, изменить вплоть до его политической системы, чтобы обезопасить эти организации и обеспечить им максимально комфортные условия для функционирования.
- 3) Оказание непосредственного воздействия на политическое поведение и на политическое участие членов создаваемых миссионерами религиозных организаций. Наиболее распространенным в данном случае следует считать изменение электоральной активности и корректировка электоральных предпочтений членов (участников) подобных организаций для последующего ослабления позиций тех политических сил, которые представляют какую-либо опасность для миссионерской деятельности или не используют свои ресурсы для ее поддержки.
- 4) Взаимодействие с политическими институтами и общественными движениями, особенно национальными [Мак-Гавран, 1994, 322-341]. При этом ставится цель – создание более благоприятных условий для дальнейшего развития миссионерской деятельности и обеспечение прихода к власти политических режимов, готовых пойти на ослабление или, даже на полный подрыв позиций господствующих религиозных верований для обретения внешней политической, экономической и (или) военной поддержки, что в настоящее время имеет место на Украине. В таких обстоятельствах, миссионерские центры выступают в роли акторов большой политики, беря на себя роль самостоятельной стороны переговорного процесса между политическими структурами как международными, так и представляющими различные страны.

Идентификация миссионерских центров, осуществляющих подрывную деятельность политического характера, затруднена благодаря их успешной мимикрии. Так, например, II Ватиканский собор Римско-католической церкви (1962-1965) в декрете о миссионерской деятельности, рекомендовал католическим миссионерам тщательно растворяться в инородной среде, используя весь потенциал местных традиционных культур [История II Ватиканского собора, 2007].

Исходя из того, что современная наука рассматривает миссионерскую деятельность как международную и не отрицает того, что она моделирует не только социально-культурные, но и общественно-политические аспекты деятельности религиозных организаций в чуждых для них политических, этнокультурных и этноконфессиональных условиях, мы получаем базовые компоненты для научного определения понятия «миссионерская деятельность», которое полностью соответствует его нынешней сущности.

Автор статьи полагает, что миссионерская деятельность – это осуществляемое на международном уровне от имени религиозных организаций идеологическое воздействие профессиональных служителей (миссионеров) на инородные политические системы с целью формирования в их структуре антиподного религиозного ядра, развивающегося за счет новых политических институтов и соответствующих им форм политического поведения и участия.

Данная статья обретает чрезвычайно обостренную политическую актуальность в преддверии становящегося неизбежным церковного раскола, нацеленного если не на уничтожение, то, как минимум, на значительное ослабление Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).

В случае, если УПЦ обретет автокефалию или попадет под юрисдикцию Вселенского Патриархата Константинополя, российское православие неминуемо окажется объектом мощнейшего миссионерского воздействия извне. Причем главное идеологическое противостояние в этой новой духовной экспансии следует ожидать не на Украине, а в России. Отторжение от Московского Патриархата украинских приходов станет лишь прелюдией к решающему сражению за собственно российские приходы.

Решимость Вселенского Патриарха Варфоломея ревизировать решения Московского Патриархата Русской Православной Церкви свидетельствует о его готовности взять под свою защиту всю русскую православную оппозицию, амбиции которой как раз и будут разжигать иностранные миссионеры. Похожая ситуация уже имела место в России около двадцати лет назад. В частности, в Приморском крае в 90-ые годы XX века протоиереем Анатолием Суржиком предпринимались попытки вывести несколько православных приходов из-под канонического управления Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). Благодаря своим раскольническим действиям, указанный священнослужитель сделал неплохую карьеру в РПЦ (з), за что был в мае 2003 года рукоположен в сан епископа Владивостокского и Дальневосточного. В настоящее время данный иерарх порвал с этой церковью и в 2015 году пошел на сближение с одним из самых радикальных направлений в украинском православии, возглавляемым митрополитом Агафангелом – Русской Православной Церковью Заграницей под омофором митрополита Агафангела – РПЦЗ (А).

Антиправославная миссионерская деятельность в России будет направлена на поддержку православных иерархов, желающих сделать блестящую карьеру в православии и обрести материальные блага посредством перехода со своими приходами под юрисдикцию Вселенского Патриархата Константинополя. Так как в Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) имеется немало людей, подобных протоиерею А. Суржику (ныне епископ РПЦЗ

(А) Анастасий), грядущая миссионерская экспансия способна серьезно подорвать устои русского православия и всей российской государственности.

Заключение

Пересмотр наших представлений о политическом содержании миссионерской деятельности крайне важен, так как отставание в закладывании основ политологического знания о религии, бесспорно, и чревато непредсказуемыми последствиями. Фундамент для генезиса российского государства и общества создается и в наши дни, а качество его, в конечном счете, зависит от научного обеспечения данного судьбоносного процесса.

Библиография

1. Аринин Е.И. Религиоведение. Владимир, 2005. Ч. 1. 116 с.
2. Бош Д. Преобразования миссионерства. Сдвиги парадигмы в богословии миссионерской деятельности. СПб., 1997. 637 с.
3. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
4. Гуревич П.С. Религиоведение. М.: Юрайт, 2016. 573 с.
5. История II Ватиканского собора. М., 2007. Том 4. 867 с.
6. Мак-Гавран Д. Закономерности роста Церкви. СПб., 1994. 464 с.
7. Миссиология. М., 2010. 400 с.
8. Мчедлов М.П. (ред.) Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция, 2007. 368 с.
9. Пивоваров Д.В. Онтология религии. СПб: Владимир Даль, 2009. 505 с.
10. Тимошук А.С., Федотова И.Н., Шавкунов И.В. Введение в религиоведение. Владимир, 2014. 136 с.
11. Тихонова Г.Ю., Гиниятова Е.В. Религиоведение. Томск, 2013. 203 с.
12. Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. Челябинск, 2006. 216 с.
13. Тэйлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. 967 с.
14. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. 270 с.
15. Яблоков И.Н. (ред.) Основы религиоведения. М.: Высшая школа, 1998. 480 с.
16. Grant D. Neosecularization and the Graft Versus Professional Religious Authority in Nonreligious Organization // Journal for the Scientific Study of Religion. 2003. Vol. 42:3. P. 479-487.
17. Lloyd-Jones M. Growing in the Spirit. Growsay Books, 1989. 158 p.
18. Wilson B.R. A Typology of Sects // Religion and ideology. Manchester University Press, 1985. P. 297-311.

Political dimension to missionary work

Maksim V. Glushkov

Applicant,
Far Eastern Federal University,
690950, 8, Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: vladivostokmger@yandex.ru

Abstract

The article reviews the series of modern phenomena involving the formation of the political institutions and developments' objective function through missionary work. The political aspect of religion actualizes certain objectives that, in theory, meet the interests and the ideology of the power centers, but, in reality, differentiate and divide the body politic. Ultimately, these objectives determine the respective distinctive features and characteristics of the government and its work.

Missionary work turned out to be religion's most effective tool for the implementation of its political functions in the current social and political circumstances. It progressively intertwines with the political systems' stability problems and their ideological consistency and with the control and decision making mechanisms that facilitate those systems. It is the very reason why the author considers any threat to the major communal relations as an act of defiance against the government that is quite sensitive to the disruption of its ideological basis. As any other political phenomenon, religion is the generating platform for social conflict directed at gaining and keeping the governmental power. In view of this, the analysis of the modern missionary work as a form of political process, manifesting itself in the intergroup and institutional levels, must be considered incredibly important and relevant.

For citation

Glushkov M.V. (2018) Politicheskie aspekty missionerskoi deyatel'nosti [Political dimension to missionary work]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 7 (5A), pp. 264-273.

Keywords

Political processes and institutions, state and religion relations, political conflicts, religious aspects of modern politics, policy.

References

1. Arinin E.I. (2005) *Religiovedenie* [Religious studies]. Vladimir. P. 1.
2. Bosh D. (1997) *Preobrazovaniya missionerstva. Sdviigi paradigmy v bogoslovii missionerskoi deyatel'nosti* [Transformations of missionary work. Paradigm shifts in missionary theology]. St. Petersburg.
3. Grant D. (2003) Neosecularization and the Graft Versus Professional Religious Authority in Nonreligious Organization. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 42:3, pp. 479-487.
4. Gurevich P.S. (2016) *Religiovedenie* [Religious studies]. Moscow: Yurait Publ.
5. (2007) *Istoriya II Vatikanskogo sobora* [History of the Second Vatican Council]. Moscow. Vol. 4.
6. Lloyd-Jones M. (1989) *Growing in the Spirit*. Crossway Books.
7. McGavran D. (1994) *Zakonomernosti rosta Tserkvi* [Regularities of the growth of the Church]. St. Petersburg.
8. Mchedlov M.P. (ed.) (2007) *Vera. Etnos. Natsiya. Religioznyi komponent etnicheskogo soznaniya* [Faith. Ethnos. Nation. Religious component of ethnic consciousness]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.
9. (2010) *Missiologiya* [Missiology]. Moscow.
10. Pivovarov D.V. (2009) *Ontologiya religii* [The ontology of religion]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ.
11. Taylor C. (2017) *Sekulyarnyi vek* [Secular Age]. Moscow: BBI Publ.
12. Tikhonova G.Yu., Giniyatova E.V. (2013) *Religiovedenie* [Religious studies]. Tomsk.
13. Timoshchuk A.S., Fedotova I.N., Shavkunov I.V. (2014) *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to religious studies]. Vladimir.
14. Trofimchuk N.A., Svishev M.P. (2006) *Ekspansiya* [Expansion]. Chelyabinsk.
15. Ugrinovich D.M. (1985) *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to religious studies]. Moscow: Mysl' Publ.
16. Ven P. (2003) *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii* [How to write history. The experience of epistemology]. Moscow: Nauchnyi mir Publ.
17. Wilson B.R. (1985) A Typology of Sects. In: *Religion and ideology*. Manchester University Press.
18. Yablokov I.N. (ed.) (1998) *Osnovy religiovedeniya* [Fundamentals of Religious Studies]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.